

Мари-Од Мюрай

СПАСИТЕЛЬ

И СЫН | 2 СЕЗОН

САМОКАТ
СЕРИАЛ

Спаситель и Сын

Мари-Од Мюрай

Спаситель и сын. Сезон 2

«Самокат»

2016

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

Мюрай М.

Спаситель и сын. Сезон 2 / М. Мюрай — «Самокат»,
2016 — (Спаситель и Сын)

ISBN 978-5-91759-812-3

Клинический психолог Спаситель Сент-Ив (рост 1 м 90 см, вес 80 кг, чернокожий) продолжает принимать пациентов. У родителей проблемные дети, у детей проблемные родители... Элла (13 лет) переодевается в мужскую одежду, пишет роман и орет перед зеркалом песни; Бландина (12 лет) злоупотребляет конфетами и почти не спит, зато ее ролики с куклами Пуллип пользуются бешеным успехом на YouTube; Габен (17 лет, Ночной эльф из World of Warcraft) поселился на чердаке своего психолога – вопиющее нарушение профессиональной этики; а Самюэль (16 лет) редко моется и удивлен, что девушки сторонятся его. Две молодые женщины Алекс и Шарли решили родить ребенка. А сам Спаситель и его сын Лазарь надеются создать новую семью с Луизой Рошто и ее двумя детьми. Странный народ эти люди, ничего не скажешь! Для старшего школьного возраста.

УДК 821.133.1-31(02)

ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-91759-812-3

© Мюрай М., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

Ранее в сериале «Спаситель и сын...»	6
Неделя с 7 по 13 сентября 2015 года	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мари-Од Мюрай

Спаситель и сын. 2 сезон

Original title: Sauveur & Fils (saison 2)

Text by Marie-Aude Murail

© 2016 L'école des loisirs, Paris

© М. Ю. Кожевникова, Е. Л. Кожевникова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

*Если в мире все бессмысленно, – сказала Алиса, – что мешает
выдумать какой-нибудь смысл?*

Льюис Кэрролл

Ранее в сериале «Спаситель и сын...»

Спаситель Сент-Ив — клинический психолог, живет в Орлеане в доме № 12 на улице Мюрлен. Для пациентов открыта дверь, выходящая на улицу. Друзья и знакомые входят в дом через сад. Дверь внутри дома – граница двух миров, личной жизни и профессиональной.

Спаситель Сент-Ив родился на острове Мартиника. Его мать умерла, и его усыновила белая супружеская пара, у которой не было детей. Ребята в школе прозвали его Баунти, потому что он «был черным снаружи и белым внутри». В 28 лет он женился на Изабель Турвиль, девушке из старинного рода плантаторов, члены которого в прошлом были рабовладельцами на Мартинике. Изабель трагически погибла в 2010 году, оставив маленького сына по имени Лазарь.

Лазарю Сент-Иву исполнилось 9 лет, он дружит с Полем Рошто, родители которого развелись. Спаситель познакомился с Луизой Рошто, мамой Поля и Алисы (13 лет), и они полюбили друг друга.

Во второй части мы снова встретим пациентов:

Марго Карре, 14 лет, режет себе руки, совершила ПС (на жаргоне врачей – попытка самоубийства).

Бландина Карре, младшая сестра Марго, диагноз: гиперактивный ребенок.

Элла Кюппенс, 13 лет, хотела бы быть мальчиком по имени Эллиот.

Габен Пупар, 16 лет, почти бросил школу.

Александра Оганёр, мать троих детей, недавно оставила своего спутника жизни и начала новую жизнь с молодой женщиной.

Неделя с 7 по 13 сентября 2015 года

В приемной местье Сент-Ива сидел, дожидаясь консультации, худенький мальчик и в нетерпении притоптывал правой ногой. Темный пиджак был явно широковат узкоплечему подростку, зато белоснежная рубашка и галстук в узенькую полоску придавали ему нарядный, праздничный вид. Недовольно вздохнув, паренек снова погрузился в чтение. Он читал «Франсуа-найденыша» Жорж Санд, бережно переплетенную книгу из «Красно-золотой библиотеки»¹.

Дверь приоткрылась, и низкий бархатный голос негромко позвал:

– Элла!

Мальчик захлопнул книгу. Да, если приглядеться, это действительно была девочка. Она встала и вслед за психологом перешла из приемной в кабинет, остановилась и огляделась вокруг.

– Я снова здесь. Как странно!

– Хорошо провела каникулы?

Сент-Ив и Элла взглянули друг на друга, удивляясь, что так рады встрече.

– Они были очень длинными, – ответила Элла.

Спаситель Сент-Ив был в таком же темном пиджаке и в такой же белоснежной рубашке. Но сходство на этом кончалось. Темнокожий Спаситель был атлетом ростом метр девяносто с усами и бородкой, обрамлявшими узкими полосками его пухлые губы.

– Здравствуйте, мадам Гюставия!

Элла подошла к низкому столику, на котором стояла клетка с хомячихой, и наклонилась над ней. Как обычно в шесть часов вечера, мадам Гюставия сидела, опустив ушки, с недовольным, невыспавшимся видом.

– Она здорова?

– Ест все подряд с утра до вечера. Пока мадам была беременна, я считал, что это естественно, но теперь нахожу, что у нее мания. Похоже, она страдает булимией.

– А для хомячков есть психологи?

– Есть. Это я, – отозвался Спаситель, сделав крайне серьезное лицо.

– Буду взрослым, заведу себе собаку, – сказала Элла, выпрямляясь. – Мама с папой не хотят животных у себя в доме.

Девочка заговорила о себе в мужском роде, но Сент-Ив не стал заострять на этом внимания, он показал ей на стул, а сам уселся в кресло. Вернуться к лечению после перерыва в два с половиной месяца – дело непростое.

Элла искала тему для разговора, а Спаситель искоса наблюдал за выражением ее умненького личика. У Эллы очень белая кожа, четко очерченные губы и брови и каштановый ежик волос. Восемь месяцев тому назад мать Эллы, мадам Кюипенс, пришла на консультацию к Сент-Иву из-за школьной фобии у дочери. По ходу лечения выяснилось, что девочку, стоящую на пороге переходного возраста, угнетает семейная тайна. Родители скрыли от нее, что до ее рождения они потеряли другого ребенка, мальчика, которого назвали Эллиот, – он умер в утробе матери.

– Ты больше не носишь очки?

– Мама мне на тринадцать лет подарила линзы.

– С родителями ладишь?

¹ Библиотека для юношества, издавалась с 1947 г., включала в себя классику, французских и иностранных современных авторов. Пользовалась большим успехом до конца XX века. Издатель Натан возродил ее в 2005 г. как коллекцию классики.

– Не очень. Папа не понимает, почему я продолжаю лечиться. По его мнению, я выздоровела: хожу в школу, как все. В последнем триместре у меня были даже поощрения.

– Поздравляю.

– Я не то имела в виду. Меня хвалили на словах.

– Поздравляю с тем, что хвалили на словах.

Они оба рассмеялись, и снова воцарилось молчание. Спаситель нащупывал новый подход.

– А как вернулась в школу после каникул?

– Нормально. – Элла глубоко вздохнула и наклонила голову, словно собиралась нырнуть. И нырнула. – Я в новом классе. Мало кого знаю. Там есть мальчик, зовут Джимми, ботан в толстых очках, с прыщами и скобками на зубах. Я не издеваюсь, так оно и есть. Короче, он весь в компьютерных играх. Играет в Call of Duty². Я тоже в нее играю. Мы немного поговорили, и он попросился ко мне в друзья. В Фейсбуке, я имею в виду.

Джимми стал тридцать вторым другом Эллы. Потом он спросил, не хочет ли она с ним встречаться, в ЛС.

– Встречаться в ЛС?

– Да нет, он спросил в ЛС, не хочу ли я с ним встречаться. ЛС – это личка, личные сообщения Фейсбука.

Элла старательно выговаривала каждое слово, словно имела дело с глухим или умственно отсталым. В общем, со взрослым. Спаситель посмеивался про себя, но вида не подавал.

– А ты? Согласилась?

– Я?! – воскликнула Элла, широко раскрывая глаза. – Я не хочу с ним встречаться! Я вообще не хочу встречаться с мальчишками! Мне это неинтересно! Ариэль встречается с Эли, Людивин ходит с Тео. А он ей, представляете, едва до плеча достает! Ой, я сейчас расскажу вам смешную историю! На уроке естествознания учительница решила, что мальчишки слишком много болтают, и рассадила всех парами: мальчика с девочкой, чтобы болтали поменьше. Меня посадила с Сэмми.

– И Сэмми тоже предложил тебе встречаться? – высказал предположение Спаситель, не сомневаясь в привлекательности Эллы.

– Ага, как же! – фыркнула Элла. – Сэмми – это Саманта, она девочка. Учительница приняла меня за мальчика!

– А ты вот так и одеваешься, когда ходишь в школу?

– Не совсем. Это я...

Ответ повис в воздухе, и лицо девочки порозовело, словно роза раскрыла лепестки. Спаситель понял, что переодевание в мальчика предназначено для него одного.

– И вот что еще я хотела вам рассказать. На латыни я познакомилась с девочкой из параллельного класса «Б» – у нас с ними совместный урок. Вы ее знаете, с Алисой Рошто.

Спаситель пробормотал привычное «так-так-так», давая себе время подумать, стоит ли подтверждать, что он знает Алису, дочку Луизы Рошто, молодой женщины, с которой они собирались в скором времени начать совместную жизнь.

– Вы же друг ее мамы, – настаивала Элла.

– Не перешагивай границу ЛЖ.

– ЛЖ?

– Личной жизни.

² Call of Duty (англ. «служебный долг», «зов долга») – серия компьютерных игр в жанре шутера от первого лица, посвященных Второй мировой войне.

Это было напоминание: здесь они занимаются психотерапией, лечением, их беседы вовсе не дружеская болтовня о чем попало. Элла немного обиделась, насупилась, но все-таки вскоре заговорила:

– В любом случае мне эта девочка не понравилась. Мне никто не нравится из тех, кто занимается латынью. Они смеются над учительницей у нее за спиной.

– Если я правильно запомнил, это та самая учительница, которая в прошлом году навела на тебя ужас.

Элла однажды во время урока латыни чуть в обморок не упала от страха. Из-за таких истерических реакций школьная медсестра и заподозрила у нее школьную фобию.

– А теперь я обожаю мадам Нозьер, – восторженно объявила Элла.

– Так зовут вашу латинистку?

– Да. Она замечательная. Она так рассказывает про Древний Рим! А когда говорила про смерть Цицерона, я даже заплакала, ведь ему отрубили правую руку и голову! А девочки надо мной смеялись. Кое-кто с тех пор меня дразнит, называют «Не ква».

– Почему «Не ква»?

– Шутка такая. Из-за хита «Цицерон не квадрат»³. Иду, а они шипят у меня за спиной: «Не ква, Не ква». Они подлые.

Элла передернула плечами, отряхиваясь от девчоночьей подлости. Лицо у нее стало грустным. Начавшийся учебный год сулил ей мало хорошего. Но в следующую минуту она расцвела улыбкой: детская переменчивость настроений ее еще не покинула.

– Я хотела показать вам свой роман!

– Тот, что читала в приемной?

– Нет, я читала «Франсуа-найденыша», которого вы мне подарили. Помните, да? Вы мне сказали, что, когда были подростком, любили эту книгу, а ребята смеялись и говорили, что у вас девчоночьи вкусы. – Элла помолчала и выпустила заготовленную стрелу. – Это вы говорили не о личной жизни, нет?

– О личной. Но как психолог я небезгрешен.

– Что это значит?

– Это значит, что я могу ошибаться. И ошибаюсь. Так что извини меня, пожалуйста.

Сердце у Эллы подпрыгнуло. Ее психолог был не только самым красивым на Земле чернокожим, он был еще и самым симпатичным на Земле взрослым (ex aequo⁴, как мадам Нозьер). Пока они говорили, Элла все рылась у себя в рюкзаке и, наконец, извлекла из него потрепанную тетрадь. В летние каникулы она начала писать роман и написала уже тридцать страниц.

– И что дальше будет, у меня тоже полно идей.

Элла протянула тетрадь Спасителю, и он прочитал на обложке: «Незнам. Роман Эллиота Кюипенса».

– Можно посмотреть?

– Я вам его оставлю, специально для вас принесла. Не обращайтесь на ошибки. Конечно, чувствуется влияние «Франсуа-найденыша», но я ничего не списывала.

Спаситель всеми силами сохранял бесстрастное выражение лица, а сам таял от умиления: как же девчужка старалась! Писала красиво, разборчиво, главу за главой. На тридцати страницах их получилось целых двенадцать.

– Я не могу оставить у себя твой роман, – сказал Спаситель, возвращая Элле тетрадь.

– Личная жизнь, – обреченно поставила диагноз девочка.

³ Модная в семидесятые годы песня Пьеро (*Пьер Лан; род. 1947*). Луций Нинний Квадрат – друг Цицерона, который добился его возвращения из изгнания.

⁴ Такой же (*лат.*).

– Нет. Тебе нужно дописать историю до конца. Тогда и поймешь, что с ней делать дальше. Стивен Кинг сказал: «Пишите, заперев дверь. Когда будете перечитывать, откройте». Сейчас ты пишешь, это твоя тайна. Когда закончишь, тебе понадобятся читатели. И я могу стать одним из них.

Психолог не должен общаться с пациентом за пределами кабинета, но Сент-Ив вышел за профессиональные рамки. Элла начала писать всерьез и нуждалась в поддержке.

– Эллиот Кюипенс – твой псевдоним?

– Это мое имя. Так я зову себя в душе, в своих мыслях, – с горячностью сказала Элла.

– Так-так-так.

– И здесь, когда я у вас, мне бы тоже хотелось быть Эллиотом. Если можно.

Спаситель сделал вид, что не понял, и переспросил:

– Как это?

Краска залила щеки Эллы, глаза увлажнились. Сент-Иву было больно смотреть, как она волнуется, но он запретил себе спешить ей на помощь.

– Здесь, – заговорила она, с трудом выдавливая из себя слова. – Здесь... если можно... вы могли бы... называть меня Эллиот?

Сказать «нет» было бы слишком жестоко. Сказать «да» значило бы потакать ее фантазии о смене пола.

– Я подумаю, хорошо? Увидимся в следующий понедельник в шесть?

Элла подняла голову и с шумом выдохнула воздух, словно вынырнула из глубокой воды.

– Да!

Сент-Ив проводил девочку по коридору до парадной двери, что делал не часто – обычно пациенты уходили самостоятельно. Взявшись за ручку, он сказал самым непринужденным тоном:

– До понедельника, Эллиот!

И в благодарность получил счастливую улыбку. Элла-Эллиот проскользнула в открытую дверь. Сент-Ив медленным шагом вернулся к себе в кабинет.

Небезгрешный психолог. Да. Именно таким он и был.

Сент-Ив сдвинул рукав рубашки и взглянул на ручные часы. Десять свободных минут до следующей консультации. Раз так, он открыл запертую на два поворота ключа дверь, которая отделяла профессиональную жизнь от личной.

По другую сторону двери в просторной кухне, освещенной лучами заходящего солнца, сидел мальчик и набирал сообщение на стареньком мобильнике.

– Лазарь! Я же просил тебя оставить в покое мою «нокию», – упрекнул его отец.

– Тогда купи мне мобильник, – отозвался сын, нажимая не по одному разу на залипающие кнопки.

– Во втором классе можно обойтись без мобильника!

– Это точно! Вот я и обхожусь!

Спаситель довольно резко отобрал у сына телефон. Его задевала неизвестно откуда взявшаяся у Лазаря дерзость.

– Ну па-па-а-а, – чуть ли не заревел Лазарь. – Я же Габену! Он совсем один!

Спаситель напомнил, что Габену вот-вот исполнится семнадцать и он вполне способен сварить себе вермишель, пока не вернулась мама.

– Маму увезли по скорой в больницу Флэри, – возразил Лазарь. – Она стала видеть каких-то людей у себя в столовой.

– Видеть людей у себя в столовой? – переспросил Спаситель по профессиональной привычке психолога уточнять сказанное.

– Да, людей, которых на самом деле не было. Она с ними разговаривала. С каким-то человеком с обезьянкой на плече.

– У нее что, были галлюцинации?

Мадам Пупар, мать Габена, уже не раз лежала в психиатрическом отделении больницы Флэри. Лекарства улучшали ее состояние, но, как большинство больных, она переставала их пить, как только считала, что окончательно поправилась.

– У меня еще одна консультация, – сказал Сент-Ив, возвращая сыну телефон. – Пригласи Габена на ужин.

– Ну то-то, – одобрил Лазарь тоном, подразумевающим: «Наконец-то я слышу разумные слова».

Спаситель не нашелся что ответить. Временами Лазарь его просто пугал. Они жили вдвоем, и сын чувствовал себя не по годам взрослым. «Ничего, – успокоил себя Спаситель, – скоро у нас будет полная семья, и он снова станет ребенком».

Очередная пациентка поступила так, как призывала надпись на двери: «Стучите и входите». Она трижды постучала в дверь молотком в виде кулачка, вошла и уселась ждать в приемной, надеясь, что месье Сент-Ив не промаринует ее тут слишком долго.

– Мадемуазель Мотен?

По телефону Пенелопа Мотен сказала, что у нее «проблема, которую ей позарез надо разрулить». По лексикону и торопливой речи Спаситель решил, что имеет дело с молодой девушкой лет двадцати. Однако девушка пожелала выглядеть лет на десять старше, надев костюм *working girl*⁵ с приталенным пиджаком и светлой блузкой и накрашив губы дорогой помадой. Она сидела на краешке стула, сдвинув колени и слегка повернув ноги вправо, как учили сидеть девушек, когда они еще не носили брюки.

– Итак, чем могу помочь?

Сент-Ив, задавая вопрос, невольно вздохнул. В конце рабочего дня ему так хотелось иногда услышать: «Да ничем! У меня все прекрасно!»

– А вы разве не спросите у меня адрес, номер мобильного?

Спаситель едва заметно улыбнулся:

– Я знаю, как вас зовут. Вам хочется, чтобы я получил от вас как можно больше официальных сведений?

– Да нет, мне-то что! Я думала, вам нужно...

Что это – дотошность? Обидчивость? Готовый к самым непредсказуемым реакциям, Сент-Ив поспешил перейти к сути дела:

– По телефону вы сказали о проблеме, которую позарез нужно разрулить. Может быть, мы сразу ее и обсудим?

– Да? Ну, если угодно... – отозвалась мадемуазель Мотен недовольным тоном.

– Угодно.

– Угодно что?

– Здесь обсуждают что угодно. У нас же не допрос в полицейском участке. И уж тем более не разговор со строгой мамой.

Сент-Ив сам удивился, что вспомнил древнюю, поросшую мхом шутку. Но Пенелопа рассмеялась. К счастью.

– Хорошо, я скажу вам то, чего не говорю маме. – Голос зазвучал естественно, она даже откинулась на спинку стула. – Я влюбилась в сорокалетнего мужчину. А мне двадцать шесть. Вас это не интересует, но я все-таки скажу. Разница в возрасте меня не смущает. До тридцати лет все мужчины идиоты. Но он женат, у него дети. Будем называть его... Серж. Для удобства.

– Пенелопа Мотен – тоже имя для удобства? – осведомился Сент-Ив, послушавшись подсказки интуиции.

– Как это? – спросила она, привставая с места.

⁵ Деловая девушка (англ.).

– Всею интернету известна художница Пенелопа Бажё, рисующая комиксы, и не менее известна Марго Мотен, художница-иллюстраторша. Для удобства вы с таким же успехом могли бы назваться Марго Бажё.

Девушка слушала Спасителя с круглыми глазами и открытым ртом, будто позировала для статуи «Измумление» (назовем ее так. Для удобства).

– Как вы догадались? – пролепетала она.

– После тридцати мужчины умнеют, – напомнил ей Спаситель.

Все в этой девушке было подделкой. Она присвоила чужое имя, костюм и, возможно, даже историю про женатого возлюбленного. Неподдельным было ее присутствие в кабинете психолога, и на это была, безусловно, такая же неподдельная причина.

– Можете сохранять инкогнито, мне не важно, как вас зовут. Мне важно, почему вы пришли.

– Я беременна.

– Понятно.

– Что вам понятно?

– Это к слову пришлось. Я дал вам понять, что я вас слушаю. Прошу меня извинить.

– Извинить за что?

Спаситель тяжело вздохнул и сказал уже без всякой деликатности:

– Мы не продвинемся ни на шаг, если вы будете цепляться к каждому моему слову. Итак, вы ждете ребенка от Сержа. Он женат и не собирается бросать жену?

– Вы уверены?

– Нет. Я задаю вам вопрос.

– А у меня вопрос: оставить ребенка или нет?

– Какой у вас срок беременности?

У Пенелопы была задержка, она сделала тест, он оказался положительным. Но пока еще она не ходила ни к своему врачу, ни к гинекологу.

– Я не хочу, чтобы меня трогали.

– Так-так-так...

– Что «так-так-так»?

Спаситель пристально посмотрел на нее.

– А-а, это снова к слову пришлось?! А мне что делать? Оставить или не оставить? Что бы вы сделали на моем месте?

– Я смогу вам помочь, мадемуазель Мотен, только оставаясь на своем месте. Скажите, о чем вы подумали, узнав о своей беременности?

– О чем подумала? – переспросила она с недоумением. – Ну-у, что появятся растяжки. Что мама, пока меня носила, набрала лишних двадцать килограммов и, родив, сбросила далеко не все. Что придется сказать «прости» узким джинсам даже фирмы «Левайс». А она лучшая, шьет из спандекса.

Спаситель слушал Пенелопу и не верил собственным ушам.

– Вы совершеннолетняя?

– Я?! Нашел о чем спрашивать! Я же тебе сказала, мне двадцать шесть!

Мимические морщинки в уголках глаз подтверждали, что на этот раз она говорит правду.

– В любом случае, я решила не оставлять. За себя решаю я сама. Ни мой парень, ни моя мама.

– Вы так решили?

– Да.

– Будете прерывать беременность?

– Да.

– Но тогда – раз вы уже приняли решение – зачем вы пришли ко мне?

– Зачем пришла... Ну... – Пенелопа замолчала, глядя в пустоту. – Чтобы поставить точку. Она была так довольна своим ответом, что еще раз повторила его.

– Что ж, поставим точку, – эхом отозвался Спаситель.

Он ждал. Минуту. Две. Пенелопа положила нога на ногу, потом снова поставила их ровно, наклонилась, выпрямилась, вздохнула, покусала палец, вытащила мобильник, покрутила его, положила обратно в сумку.

– Ну и в чем она состоит, ваша чертова терапия? Все мне говорили, что вы просто супер!

– Я польщен добрым отзывом. И кто же эти «все»?

– Не важно.

– Мадемуазель Мотен, не будете ли вы так добры сообщить мне, в чем все-таки ваша проблема? Я, признаться, в недоумении.

Пенелопа, наконец, решила довериться и заговорила, глотая слова и не заканчивая фразы. Загубила она свою молодость. Слишком он стар для нее. А уж зануда... К тому же двое детей. А эбик? Ты-то думала, это клево – он тебя обожает, все тебе завидуют. Как бы не так! День и ночь на твоих руках! Редко-редко когда мать согласится посидеть. А денег на няньку взять неоткуда. И места в яслях не получишь, потому что не работаешь!

– Мадемуазель Мотен, – прервал ее Спаситель обволакивающим бархатным голосом, – вы ведь хотите сказать... у вас уже есть ребенок.

– Я родила... год назад. – Пенелопа расплакалась. – Я думала, ребенок – это здорово, а теперь сию, как в тюрьме...

Спаситель протянул ей коробку с бумажными носовыми платками.

– И должна делать вид, что счастлива...

Перелопа громко высморкалась.

– А зачем делать вид, что вы счастливы?

– Как зачем? Для Фейсбука! – закричала она, словно разговаривала с обитателем Луны.

– Простите?

– Для фэйсбучных фоток! – Зареванная Пенелопа растянула рот в притворной улыбке. – Вот так. Ясно? Иначе сам понимаешь, что начнут говорить друзья! «Бедняга! Но она сама этого хотела!» Я на фотках всегда в прикиде, всегда подкрашена! Надеваю самое крутое на своего А... – она закашлялась, придумывая, как бы назвать сына, – Анатоля. Купила ему пуховую курточку «Тартин и Шоколя» за сто пятьдесят евро и джинсовый комбинезончик «Жакарди» за девяносто пять. Подружки в комментариях пишут: «Какой няша!» Будешь няшей за такие деньги!

Спаситель уточнил у Пенелопы, не беременна ли она во второй раз.

– Ну уж нет! Мне одного раза хватило! – Она промокнула глаза бумажным платком и сердито буркнула себе под нос: – Черт бы побрал это гадство!

Спасителю трудно было понять: она о качестве своей туши или о качестве своей жизни?

На вопрос Пенелопы «Так что же делать-то?», который она задала с несчастным видом, Спасителю очень хотелось ответить шуткой Лазаря: «Де...лай! Лай громче!», но он удержался и предложил начать психотерапию: по одному сеансу в неделю, чтобы «разобраться со своей жизнью». К его большому удивлению, молодая женщина, похоже, даже обрадовалась, когда он назначил ей консультацию на будущий понедельник.

– Мне записать вас как Пенелопу Мотен?

– Или Марго Бажё, если вам больше нравится.

За Пенелопой Спаситель запер дверь на ключ. Рабочий день закончен. Парадная дверь, выходящая на респектабельную улицу Мюрлен, сегодня больше не откроется. Всем, кто задумает их навестить, придется пройти по аллее Пуансо, похожей на деревенскую улочку, и позвонить у калитки в сад.

– Габен пришел! – закричал Лазарь, едва Спаситель появился в кухне. – Он принес с собой хомячка!

На маленьком черно-белом экране камеры видеонаблюдения появилось лицо паренька. Он держал перед собой клетку и покачивал ею.

Камера видеонаблюдения, которая так не нравилась Спасителю и так веселила его сына, появилась у них в доме после того, как в феврале прошлого года на Лазаря было совершено нападение. Он мог бы погибнуть, если бы не вмешался Габен.

Как обычно, мальчики, едва встретившись, сразу же заговорили о хомячках. Хомячок Габена был сыном мадам Гюставии, и он называл его Спасён. Клетку со Спасёном Габен поставил на середину стола, будто хомячок был главным блюдом.

– Не поверишь, он все время высовывает мордочку между прутьев, как будто только и думает, как бы убежать, а когда я открываю ему дверцу, прячется к себе в домик.

– Так ведут себя девяносто процентов моих пациентов, – вздохнул Спаситель. – Что скажете о хот-догах?

– Класс! – ответил Лазарь любимым словечком Габена, прежде чем тот успел открыть рот.

Габен стал для Лазаря кумиром, хотя его отец предпочел бы какого-нибудь другого кумира для сына, более – как бы это сказать? – целеустремленного.

– Как у тебя со сном? Спишь? – спросил он подростка.

– Случается, – отозвался тот сонным голосом.

– У тебя в этом году выпускные экзамены?

– Вроде бы, – отозвался так же сонно Габен.

Он частенько, разумеется ночью, играл по пять-шесть часов в World of Warcraft, а потом просыпал первые уроки. А если и приходил часов в одиннадцать, то засыпал прямо за партой, положив голову на руки. Учителя относились к нему снисходительно. Их обезоруживала добродушная, слегка помятая физиономия подростка: он смахивал на юного Депардье, но из-за сонного взгляда слыл глупее, чем был на самом деле. Несмотря на неподвижный образ жизни, Габен был неплохо развит физически – мускулатура и высокий рост достались ему от его более деятельных предков. Не вступая в спор с природой, он позволил своим волосам расти, как им вздумается, так что был похож, особенно поутру, на Дикого мальчика – Виктора из Аверона⁶. А в целом Габен был славным пареньком, хотя ждать от него чего-то особенного не приходилось.

– Ба-бам! – грохнул по столу Лазарь. – Перед вами мадам Гюставия!

Он сходил в отцовский кабинет и принес оттуда клетку. Главным событием сегодняшнего вечера должна была стать встреча на высшем уровне (то бишь на кухонном столе) матери и сына. Как только открыли дверцу клетки мадам Гюставии, она тут же выбежала наружу: колбасный запах сыграл не последнюю роль в ее стремлении к приключениям.

– Могли бы подождать, пока мы кончим ужинать, – рассеянно заметил Спаситель.

На самом деле ему хотелось как можно скорее спровадить мальчишек в комнату Лазаря на второй этаж, потому что в самом скором времени в садовую калитку должна была позвонить Луиза Рошто.

– Вот видите, я же говорил. – Габен обратился к Спасителю: – Стоит открыть Спасёну клетку, как он убегает в другой угол.

Габен называл своего психотерапевта на «вы», Спаситель не возражал, он понимал, что это знак уважения.

⁶ Аверонский дикарь родился около 1788 года, умер в 1828 году в Париже. Был найден в возрасте примерно двенадцати лет, переходил от одних людей к другим, убегал от цивилизации. Был передан молодому врачу Жану Марку Гаспару Итару, который дал ему имя Виктор и занимался с ним в течение пяти лет. Итар разработал специальные методики, чтобы научить Виктора говорить. На основе своей работы Итар вышел на новый уровень в обучении отстающих в развитии.

– Положим кусок колбасы в клетку Спасёна, и мадам Гюставия тут же его навестит, – предложил Лазарь, продолжая втайне надеяться, что хомячки, как только встретятся, упадут, образно говоря, друг другу в объятия.

– По-моему, не сработает, – буркнул Габен, но все же сунул кружок колбасы между прутьями.

Мадам Гюставия с трепещущими усами, держа нос по ветру, двинулась на чужую территорию. Мальчики затаили дыхание. Они уже сто раз читали на сайте, посвященном разведению хомячков, что хомячки, и особенно самочки, терпеть не могут себе подобных. Мадам Гюставия, как только заметила своего дорогого сыночка, грозно заворчала, приподнялась на задние лапки и, встав в боксерскую позицию, выставила передние, приподняв верхнюю губу, чтобы показать свои замечательные резцы. Недолго думая, отважный Спасён лег на спинку и недвижимо застыл, как будто умер уже сутки назад.

– Ни фиги себе, – пробормотал изумленный Габен.

– Немедленно выманите Гюставию! – сердито крикнул Спаситель. – Она сейчас его съест!

Но мадам Гюставия, обнаружив кусок колбасы, запихнула его себе за щеку и потрусила вон из клетки.

– Закройте сейчас же дверцу. – Спаситель никак не мог успокоиться. – Вы просто какие-то...

Ему очень хотелось сказать мальчишкам, которые давились от хохота, все, что он о них думает, но тут задребезжал звонок. На экранчике появилась Луиза и приветственно помахала рукой.

– Ую-ю, вижу прехорошенькую самочку скунса, – проговорил Габен вкрадчивым голосом Пепе ле Пью⁷. Потом бесшабашно запел: «Сладко с ней встречаться, сладко целоваться, вместе пить вино. О! О! О!»

Спаситель, хоть его и смешили дурашливые выходки Габена, дал ему щелчок по макушке. Луиза застала в кухне веселую возню: Габен гонялся за Лазарем большими прыжками, изображая из себя скунса. Прыг-скок! Прыг-скок! Габен-скунс ничуть не уступал герою, придуманному в студии «Уорнер Бразерс». Еще один прыг-скок – и Луизе тоже досталось.

– Эй вы! Утихомиритесь или нет? Шагом марш вверх в комнату! – прикрикнул Спаситель.

– Привет, Луиза, – поздоровался, убегая, Лазарь.

– Добрый вечер, дорогая, – промурлыкал увлеченный ролью Габен. – Чем застенчивее девушка, тем милее...

Вихрь унесся из комнаты, и Спаситель, вопросительно подняв брови, взглянул на Луизу. Он надеялся, что она не рассердилась на Габена. Луиза ответила тоже без слов – просто обвила руками шею Спасителя.

Почти полгода назад они стали любовниками, но каждая встреча казалась ей первой. Поцелуй длился долго, как в кино. Луиза все не могла поверить, что покорила этого ласкового великана. Бывший муж был ее первой и единственной любовной историей, но с ним ей никогда не было спокойно. В конце концов, он ее предал.

– Как же тебе идет эта белая кофточка, – восхитился Спаситель. Он чуть отстранил от себя Луизу, желая полюбоваться.

– Правда? – кокетливо спросила она. – А я сомневалась, купить или не купить. Блондинки в белом не смотрятся, мне больше идет черное.

– Совершенно с тобой согласен. Ты выбрала меня, чтобы рядом сиять еще ярче.

⁷ Пепе ле Пью, один из героев мультсериала «Безумные мелодии», любвеобильный скунс, который часто принимает кота или кошку за самку скунса и флиртует.

– А можно мы в постели поговорим? – И, улыбнувшись, оттого, что слишком откровенно призналась в желании, Луиза поежилась и прибавила: – Что-то я на кухне озябла...

Территория личной жизни

У Спасителя была привычка мысленно пробежать перед сном весь дневной прием – восемь или девять терапевтических консультаций. Что ему удалось? Какие были неудачи?

Сегодня у него была мама маленького мальчика, потерявшая год назад его брата-близнеца. Шестилетний Эдуард всеми силами старался утешить маму. Но Спаситель интуитивно чувствовал: депрессия грозит скорее мальчику, чем его матери. Разумеется, он мог ошибаться. Он был безгрешным психологом. Так он определил себя в разговоре с Эллой. Эллой... или Эллиотом? А что с ней? Девочка-подросток пытается стать замещением своего умершего брата? Или она всерьез gender non conforming kid, ребенок, который сознает себя не тем, кем родился, а человеком другого пола? И еще Пенелопа Мотен, крашенная блондинка с черными ресницами. В ней все подделка. «Может, она мифоманка?» На этой мысли Спаситель готов был уже погрузиться в сон, но тут услышал тихий шепот:

– Ты спишь?

– Нет, – отозвался он.

– Ты не передумал устроить на выходные пробу?

Луизе выпала редкая удача: бывший муж попросил ее забрать у него детей, Поля и Алису, уже в пятницу вечером, и они со Спасителем решили, что она привезет их на улицу Мюрлен, чтобы всем вместе провести субботу и воскресенье.

– Нет, всё в силе, – подтвердил Спаситель.

– А Габен?..

Когда Габен задерживался у Сент-Ивов на несколько дней, он спал на кресле-кровати, но в эти выходные на ней должна была спать Алиса, старшая дочь Луизы.

– Габен у нас на два-три дня, – ответил Спаситель. – Его мать снова в больнице, но на выходные я отправлю его домой.

– Ты уверен?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что у тебя он чувствует себя как дома. Он как будто твой второй сын.

Слух у Спасителя был тонкий, он замечал все оттенки интонаций. В мягком голосе Луизы он уловил ревнивое чувство. Чего она опасалась? Что Габен займет в его сердце место ее детей? Или, может быть, ее собственное?

– Габен не мой сын и отправится к себе домой в пятницу.

* * *

На следующее утро в 9 часов 45 минут на консультацию к Сент-Иву пришел Самюэль, подросток шестнадцати лет: за два месяца у него было уже четыре «облома» с девушками, и он решал для себя, «стоит ли ему вообще пытаться». К сожалению, паренек пренебрегал элементарной гигиеной, так что Спасителю после консультации приходилось даже проветривать помещение. Телефонный звонок позволил ему выйти ненадолго из кабинета.

– Алло, да! Привет, привет, что у тебя случилось?

Звонил доктор Дюбуа-Герен, терапевт, который время от времени отправлял своих пациентов к коллеге-психологу. На этот раз речь шла об одной женщине, антилийке.

– Она тоже с Мартиники, как и ты. Сказала мне, что она... на нее... Я забыл это слово. В общем, ее сглазили.

– Навели порчу.

– Вот-вот, – подхватил доктор Дюбуа-Герен, очень довольный, что Спаситель все ловит на лету. – Если я отправлю ее к психиатру, он сочтет, что у нее паранойя, и она загремит в больницу, так что лучше я отправлю ее к тебе.

– Мы с ней зарежем черную курицу и попьем ее крови. Спасибо, что вспомнил обо мне.

Когда Спаситель вернулся и снова уселся напротив Самюэля, он заметил, что тот улыбается. Он явно слышал телефонный разговор.

– А для меня не найдется какой-нибудь примочки вуду? Чтобы девчонки на меня клевали?

Сент-Иву очень хотелось ему ответить, что самой клевой примочкой был бы дезодорант, но он не стал ничего говорить. После консультации он поспешил открыть окно, невольно вспомнив скусна Пепе ле Пью, и тут же подумал о Габене. Вчера вечером Габен сказал ему, что уроки у него начинаются в десять. Сейчас часы показывали половину одиннадцатого. Значит, придется заскочить на территорию ЛЖ (личной жизни).

В четыре прыжка Спаситель одолел лестницу на второй этаж. Габен мирно спал, завернувшись в одеяло. Спаситель сдернул одеяло, но Габен даже не пошевелился.

– Вставай, или я иду за ведром воды!

Паренек сел на постели по-турецки и запустил обе руки в свои длинные патлы. По тому, как он яростно чесался, можно было подумать, что в голове у него полно вшей. Сейчас он один в один был похож на Дикого мальчика Виктора.

– У тебя урок в десять?

– А что, уже утро? – сонно осведомился Габен.

– Не валяй дурака.

– И не думаю.

Габен подтянулся к краю кровати, соскользнул на пол, прошелся немного на четвереньках и только после этого, чуть покачиваясь, встал на ноги. Клинический психолог Сент-Ив верил, что у каждого человека есть возможность поработать над собой и продвинуться вперед. Но, когда он смотрел на Габена, у него втайне возникало подозрение, что на этот раз он получил совершенно законченный продукт.

– Я в душ, – буркнул паренек и, спотыкаясь, побрел в ванную.

– Габен, нам надо поговорить. Во сколько у тебя кончаются уроки?

– Ну-у...

– Понятия не имеешь, отлично! Значит, жду тебя в восемнадцать пятнадцать у себя в кабинете.

– Йес, сэр, – пробурчал Габен и отдал честь.

Спаситель покачал головой, понимая, что ничего-то он поделать не может... А потом вернулся к себе в кабинет и продолжал работать, сделав в двенадцать короткий перерыв, чтобы съесть сэндвич.

Пациенты подчас называли его «доктор» и даже «доктор Спаситель», ожидая от него чудес, которые переменят их жизнь. Но никто никого не может спасти. Меняется тот, кто сам хочет измениться.

– Не существует чудес, Габен.

Габен сидел напротив Сент-Ива на кушетке. На этой кушетке кто только не сидел: пациенты с фобиями, в депрессии, в сомнениях, с кучей бед. Часы показывали шесть часов двадцать минут, и Спаситель, не питая больших иллюзий относительно пользы нотаций, только что прочитал одну опоздавшему.

– А теперь поговорим немного о твоей маме, хорошо?

Габен, изучавший все это время свои ботинки, нехотя поднял голову.

– Лазарь вам сказал, да?

– Что именно?

– Что она видит человека с обезьяной на плече.

– Я говорил с психиатром, который лечит ее в больнице. Да, у нее галлюцинации, но она понимает, что это галлюцинации. Она видит человека с обезьянкой, но знает, что он не существует.

– А может, он существует.

– Нет.

– А в другом измерении?

– Нет.

– Я читал одну книжку, там параллельных миров было полным полно, миллиарды, и в каждом свои особенности. Может, есть мир, где все люди носят на плече обезьянку.

– Габен, я тебя умоляю, – вздохнул Спаситель, потирая себе лоб.

Подросток всеми силами старался отгородиться от действительности. Не хотел принять тот факт, что его мать психически больна.

– Твоя мама пробудет какое-то время в больнице, – прибавил Спаситель. – Мы ее навес- тим, когда ей станет лучше.

Лечащий врач мадам Пупар был всерьез озабочен ее состоянием. По его мнению, оно значительно ухудшилось, но Сент-Ив предпочел не сообщать об этом Габену. Он только ска- зал, что тот может остаться на улице Мюрлен до пятницы, а на выходные обязательно должен вернуться к себе домой.

– Ую-ю, – проворчал Габен, вновь превратившись в Пепе ле Пью. – Хорошенькая самочка скунса!

– Приедет со своими двумя детьми, – закончил фразу Спаситель.

– А меня вон из норки? Фигово, очень фигово.

Подросток и взрослый уставились друг на друга, как в игре в гляделки, – не мигая, с бесстрастными лицами. Сент-Ив сдался первым и выдавил слабую улыбку.

– Габен! Неужели ты думаешь, что я тебя брошу?

– Нет... Но, может, в параллельном мире кто-то уже занял мое кресло-кровать. Окажись сейчас я там, мне стало бы дико плохо.

– Удивительно, как тебе удастся, гордя чепуху, так отчетливо выражать свои мысли.

– Класс.

* * *

На следующий день, 9 сентября, как всегда по средам, когда к Сент-Иву приходили на консультацию дети⁸, на маленьком столе пестрели цветные карандаши. В 17 часов он ждал Бландину Карре, девочку двенадцати лет, любимую свою головоломку. Она постоянно дви- галась и отличалась недостатком внимания, за что ей прилепили этикетку «гиперактивная». Но Спаситель подозревал, что так проявляет себя скрытая депрессия. Или, возможно, Блан- дине просто не хватало внимания родителей, которые и после развода продолжали выяснять отношения.

– Бландина? – Спаситель открыл дверь приемной и увидел, что там никого нет.

– Я здесь! – раздался голос откуда-то снизу. Бландина сидела на корточках в углу ком- наты. – Нарращиваю мускулы на ногах, – объяснила она, поднимаясь. – А то тощие, как спички.

– Самое время.

⁸ Во Франции по средам школьники учатся до половины дня.

Увидев, что Бландина подбирает с пола рюкзак, Сент-Ив удивился: неужели у нее сегодня во второй половине дня были уроки?

– Нет, что вы! Но меня отец заставляет ходить в музыкалку. А меня от поперечной флейты тошнит. В среду после обеда детям нельзя делать ни-че-го! А отцу подавай активность! Я и так гиперактивная.

Бландина, с остреньким подбородком и вздернутым носиком, в коротких джинсах с дырками на коленях, с голыми щиколотками, торчащими из давно не белых кроссовок, и в слишком узкой курточке, походила больше на эльфа, чем на девочку.

– Видели, как блестят, – похвасталась она и помахала перед Сент-Ивом руками с обгрызенными ногтями, покрытыми лаком с блестками.

– Nice⁹, – похвалил Спаситель, привыкший, общаясь с молодежью, время от времени вставлять английское словечко.

– У меня все с блестками: заколки, ручка, свитер тоже! А отцу не в кайф, он считает, блестки – отстой.

– Все воюешь?

– С отцом? Нет, использую, – откровенно заявила Бландина. – Он купил мне телефон. Не чек плюс ультра¹⁰, как выражается наша латинистка, но и не дешевку.

⁹ Мило (*англ.*).

¹⁰ Бландина искажает латинское выражение *plus ultra* – «лучше не бывает» (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.